

«САНДИ ТЕЛЕГРАФ», ЛОНДОН.

НЕТ НИКОГО более предсказуемого, чем человек, берущий интервью. Разве что сам интервьюируемый... По опыту знаю, что интервьюеры бывают двух видов, можно сказать, двух возрастов. Те, кому за сорок, нервно поглядывают на мои седые волосы и спрашивают в той или иной форме, сколько я могу еще протянуть. Те, кому меньше сорока и у кого еще есть какая-то надежда стать писателями, задают вопрос: как я начал писать?

«Призыв к мертвым» — это мой первый роман, поэтому я проигнорировал первый вопрос, на который все равно нет ответа, и расскажу, как я начал.

Я стал писать, потому что сходил с ума от скуки. Не от той равнодушной, вялой скуки, когда не хочется выбираться утром из постели, а иступленной, неистовой скуки, которая заставляет носиться кругами в поисках настоящей работы и не находить ее.

Я пытался учить «отстающих» детей, и большинство из них страдали точь-в-точь от того же, от чего и я — от скуки. Они сидели в классе на последних партах и смертельно скучали. Я пытался преподавать в Итоне, но там часто чувствовал себя младше учеников и не меньше их нуждался в хорошем учителе. И уж конечно, я не хотел примириться с тем, что мне суждено пройти такой путь: старший преподаватель школы в 40, отставка в 60, коттедж в Девоне и, дай Бог, спокойный уход из этой жизни.

Будучи учителем, я в школьные каникулы баловался искусством ради заработка, правда, без особого успеха. Чтобы удовлетворить меня, все нарисованное мной карандашом или красками должно было объяснять смысл жизни. Но не так уж много возможностей выразить себя, когда вы придумываете обложки для детских книг.

Что же касается сочинительства, то да, действительно, с тех пор как я перестал писать юношеские стихи, была одна попытка. Когда я еще преподавал в Итоне, издательство «Бодли Хэд» попросило меня написать текст на немецком языке для экзаменов в средней школе. И я сочинил рассказ о художнике, рисовавшем на тротуаре. Однажды он создал пастелью шедевр на камнях Трафальгарской площади — Мону Лизу, только еще лучше. И он знал это. Надвигался дождь, близился час пик, а у художника не было фиксатора. Камни мостовой принадлежали городскому совету, а не ему.

Сейчас я вспоминаю этот рассказ как милую маленькую метафору: я имел в виду свой загубленный талант, хотя даже не знал, что за талант лежал на земле, не замечаемый спешащими мимо прохожими. Не стоит и говорить, что рассказ не подошел для целей «Бодли Хэд» и они отвергли его. Много лет спустя Грэм Грин, который был одним из директоров «Бодли Хэд», издававшего его книги, написал мне, предлагая сотрудничество. Но таковы уж писатели: я не простил их и никогда не прошу.

«А НЕ ПРИТВОРЯЮТСЯ ЛИ ОНИ ДУРАКАМИ?»

СБЕЖАВ от преподавательской деятельности, я вступил в мир Уайтхолла и скоро стал работать в ужасно секретном здании в Уэст-Энде, где, как знали даже таксисты, помещалась МИ-5 (служба безопасности. — **Ред.**). Я вставал в шесть утра, завтракал, шел пешком до железнодорожной станции Грейт-Миссенден, находившейся в получасе ходьбы от того места, где я жил, за час пять минут доезда до Мэрилоуна, а затем на автобусе добирался до Леконфилд-хауз на Керзон-стрит и предавался свой пропуск. Каждый вечер я возвращался, и иногда моей терпеливой жене и маленькому сыну приходилось ждать меня до 10—11 часов вечера.

Мир, в котором я обитал в Лондоне, был миром бумаг. Служба безопасности марширует по своим досье, и я был одним из пехотинцев. Я корпел с утра и зачастую до позднего вечера над досье на людей, которых никогда не встречал. От меня требовалось определить: должны ли мы доверять ему (или ей)? Должен ли роботодатель доверять? Может ли он (она) быть предателем, шпионом, человеком самостоятельных решений, подходящим объектом для бессовестного шантажа? Таким образом, я, который не имел взрослого понимания даже самого себя, должен был судить о жизни и привязанностях других людей. Я не был искушен в делах реаль-

ного мира, а только своего собственного.

Единственные инструменты, которыми я располагал, были возможности моей собственной натуры. В те дни они были разнообразны, и воображаемые мосты, которые я наводил к моим «бумажным» подозреваемым, создали мне репутацию человека проницательного. Ничто не могло быть дальше от истины. Я просто сочинял людей, используя скудный материал подслушанных телефонных разговоров, перлюстрированных писем и докладов следователей. Все остальные качества, что я придавал своим подозреваемым, исходили от меня самого. Это не было хорошей разведывательной работой, но в нашем заурядном мире вполне могло сойти за нее. И, как оказалось, это была отличная подго-

мы опять-таки не могли знать. Обычно оказывалось, что они уволены. Из этих загадочных появлений и исчезновений я позднее сплел историю Алекса Лимаса из «Шпиона, который пришел с холода», чье увольнение оказалось хитрым маневром. Увы, в жизни так бывало редко. Яркая одаренность тесно соседствовала с поразительной некомпетентностью, и, будучи новичком, ты никогда не знал, чего ожидать.

Некоторое время ты задавал себе вопрос: а не притворяются ли они дураками из хитрости и, может, где-то существует настоящая, эффективная секретная служба? Позже в своих произведениях я сочинил такую. Но, увы, реальностью была посредственность. Бывшие служащие колониальной полиции вперемежку с несостоявшимися учеными, несостоявшимися юристами,

1791 гг. — **Ред.**) и поздних Платанеттах, Бингем — романы, а я наблюдал его за этим занятием.

Его пример — это все, что мне было нужно. Я был готов попробовать свою руку. И для меня неудивительно, что, когда я начал создавать своего главного героя — Джорджа Смайли, — мне пришлось наделять его некоторой долей невероятной мудрости Вивиена Грина в сочетании с его академическими знаниями, а также хитростью и находчивостью Бингема и его простым патриотизмом. Все герои литературных произведений представляют собой смесь; все они рождаются из гораздо более глубоких источников, чем их несомненные двойники в жизни.

В конце концов все они, как те несчастные подозреваемые из моих досье, формируются в воображении писателя до тех пор, пока не станут, видимо, ближе к его собственной натуре, чем к чьей-либо еще. Но сейчас, когда Бингема уже нет в живых (не говоря уже о том, что он превознесен до небес самозванными историками Службы), мне кажется, я должен вернуть ему долг: не только как составной части Джорджа Смайли, но как человеку, первым давшему толчок моей писательской карьере.

Я писал в дешевых записных книжках. В поезде, следовавшем в Грейт-Миссенден или оттуда, в обеденный перерыв, в серые утренние часы до ухода на работу. Эни, моя тогдашняя жена, печатала мои материалы: мы были бедны, но рисковали взять напрокат портативную пишущую машинку «Оливетти» за несколько шиллингов в неделю. Я сразу бросался в повествование, не связываясь с планами, набросками или предварительными схемами. У меня не было ни малейшего представления о том, куда я двигаюсь. Но у меня был Смайли, были горы досье на мужчин и женщин, которых мне полагалось подозревать и которых я никогда не встречал. У меня в памяти сохранилась французская, попавшая в больницу в Шамони, где я катался на лыжах вскоре после войны. Мы жили в одной гостинице, и, когда управляющий сказал мне, что она сломала даже не одну ногу, а обе, я пошел навестить ее.

Она лежала на спине, ноги на растяжке. Это была маленькая женщина лет пятидесяти с короткими обесцвеченными волосами, большим ртом, нарисованным губной помадой поверх узких губ. Она со смехом рассказывала, что прошла все Сопротивление. Уже забыла, сколько раз ее забрасывали с парашютом во Францию. И ни одного перелома до тех пор, пока не поехала кататься на лыжах. И снова смех. Возбужденно стала объяснять про волосы. Она боится, что теперь они никогда снова не отрастут.

Последний год войны она провела в одном из лагерей (причем сказала об этом так, как будто это были несколько недель на Ривьере). Конечно, там ей обрили голову. У других волосы отросли прекрасно, а у нее по какой-то причине нет. Она рассказала мне это все с тем же неодобрительным отношением к самой себе смехом. И что ни применяла — мази, лосьоны, порошки, — все было напрасно. Она стала прототипом моей Эльзы Феннан.

Когда я написал книгу, то опасался, что мои проблемы только начались. Я ни с кем не говорил о том, уместно ли писать шпионский роман в то время, когда я еще сам был в разведке. Теперь, как мне рассказали, новые сотрудники должны отказываться от литературной деятельности, прежде чем будут приняты. Разумеется, я достаточно знал о скрытых связях моей службы, чтобы не пытаться публиковать книгу без официального согласия. Поэтому я послал ее консультанту по юридическим вопросам Бернарду Хиллу, который всегда казался мне самым скучным старым занудой из всей компании. Через несколько дней он вернул ее, приложив записку со словами о том, как она ему понравилась. Хилл попросил внести одно изменение по причине возможного обвинения в клевете, и я сделал это. Он также попросил меня использовать псевдоним (по его мнению, так было бы лучше) и пожелал удачи.

Когда Виктор Голландц принял мою книгу, я спросил, какой псевдоним мне следует выбрать. Он рекомендовал взять такой, который бы состоял из двух односложных англосаксонских имен — что-нибудь типа Чак Смит или Хэнк Браун. Я выбрал Ле Карре. Бог знает, почему я не последовал совету Виктора. Когда на меня особенно давят, я говорю, что увидел это имя на вывеске магазина с верхнего этажа лондонского автобуса. На самом деле этого не было. Я просто не знаю, почему. Но никогда не верьте писателю, когда он говорит правду.



Джон Ле КАРРЕ:

Как МИ-5 сделала меня писателем

В предисловии к новому переизданию своего первого романа один из самых знаменитых сегодня авторов, работающих в детективном жанре, английский писатель Джон Ле Карре рассказывает о том, как началась его литературная карьера.

товка к той карьере, к которой я еще сознательно не приступил, а именно, карьере писателя.

Писатель часто скрыто мистифицирует своих героев, как ребенок окружающих его взрослых, рассматривая их с тем же бессердечием, той же подозрительностью, с теми же болью, удивлением и переменчивой любовью. И, наблюдая за ними, он пополняет свою тайную коллекцию, чтобы восхищаться ими, подражать им, отвергать их или наказывать. Закранный мир разведки может создать его обитателям удивительно благоприятные возможности для сохранения такого детского видения. Окруженные его стенами молодые сотрудники могли ошибочно считать себя достаточно зрелыми. Но выпусти нас к взрослым, и большинство из нас оказались бы просто потерявшимися детьми.

Именно об этом говорит Эльза Феннан Джорджу Смайли в «Призыве к мертвым» во время их первой встречи.

Кроме досье, у меня были коллеги, и я никогда не встречал более странной компании. Секретный мир, как говорит Кэстлер о евреях, точно таков же, как и реальный, только еще более реален. Грубоватый Питер Райт ходил по нашим коридорам и, возможно, так же, как и я, неосознанно готовился к литературной карьере. Наши начальники ненавидели друг друга в силу причин, которые нам не было дозволено знать. Еще больше они ненавидели нашу «сестрицу» МИ-6 (разведка. — **Ред.**). Они ненавидели политиков, коммунистов и многих журналистов. И, как мы знаем теперь, Гарольда Вильсона и его «кухонный» кабинет.

Царяла мрачная, нервная атмосфера. Люди, которые сегодня были вашими близкими коллегами, на следующий день исчезали из виду, уволенные или отправленные с какой-нибудь деликатной миссией, о которой

несостоявшимися миссионерами, собравшись в нашей столовой, походили на однокашников какой-нибудь привилегированной школы, отправляющихся в поездку на «Восточном экспрессе». Казалось, от каждого веяло духом неудачи.

Со временем я начал считать, что у Службы все же было свое лицо: взгляд, который ловит твой взгляд, затем устремляется вниз, затем отводится в сторону; глаза, всматривающиеся в тебя, а затем тебя избегающие; обособленность каждого из нас, подобная тем странным пузырям на картинах Хиеронимуса Босха, которые никогда не допускают ни поцелуя, ни прикосновения. Позднее я также написал об этом в книге «Паломничество в мир тайны».

ПРОТОТИПЫ

ВОЗМОЖНО, это наши секреты держали нас врозь, чувство, что мы знаем больше нашего соседа или (не дай Бог) меньше. Наши секреты были нашими деньгами. Только во время моих случайных посещений Би-би-си или газет я ощущал нечто похожее на ту атмосферу злобы и обидчивости. Но для начинающего писателя, который еще даже не знает, что он таковым является, вряд ли могло быть что-то более подходящее, чем этот печальный, тайный мир.

Несомненно, первый толчок мне дал Джон Бингем. Джон внешне немного напоминал Смайли и писал свои детективы в обеденный перерыв. Позднее он стал, хотя и не по своей вине, графом. Такой перемены я не мог до конца простить никому, кто имеет чувство юмора. И все равно, граф или шпион — Джон был одним из лучших. Добродетельный, любезный, проницательный человек, бывший журналист, бывший член контрольной комиссии, профессиональный разведчик до кончиков ногтей. И он напоминал мне другого человека, оказавшего на меня большое влияние в ранние годы жизни: Вивиена Грина, священника частной школы, где я учился. Он успешно завершил свою карьеру ректором Линкольн-колледжа в Оксфорде. Если я кому-либо и исповедовался, так только Грину, а Джон Бингем с его шумной манерой, проницательным взглядом и еще более «проницательным» слухом был похож на него, но в разведывательном варианте. Вивиен Грин писал научные труды об Уэсли (основатель методизма, 1703—